

В диссертационный совет 03.2.010.01,
созданный на базе федерального
государственного казенного образовательного
учреждения высшего образования
«Омская академия Министерства внутренних дел
Российской Федерации»

644092, г. Омск, пр-т Комарова, д. 7

О Т З Ы В

**официального оппонента о диссертации Лыги Алексея Петровича: «Меры
уголовно-процессуального принуждения имущественного характера»,
представленной на соискание ученой степени кандидата юридических наук
(специальность 5.1.4. Уголовно-правовые науки)**

Актуальность темы диссертации. Представленная диссертация на тему «Меры уголовно-процессуального принуждения имущественного характера» несомненно актуальна. Тенденции развития России в последние десятилетия привели к необходимости модернизации правоприменительной деятельности, нормативной оптимизации соотношения интересов государства и интересов личности. Правовое регулирование мер процессуального принуждения, предусмотренных разделом IV УПК РФ, в этой связи не осталось в стороне. Значимые изменения закона повлекли развитие механизмов реализации правовых гарантий участников уголовного судопроизводства. Особое внимание законодатель уделит мерам принуждения имущественного характера, которые рассматриваются в представленной диссертации. Несмотря на принятые изменения, публичность уголовного процесса не стала ориентированной в достаточной степени на удовлетворение частных интересов, затрагиваемых исследуемыми мерами.

В то же время существенная развитость в УПК РФ диспозитивных начал позволяет отметить ориентированность закона на обеспечение конституционных гарантий права собственности. Во многом данные аспекты говорят об отличии мер принуждения имущественного характера от остальных мер процессуального принуждения и наличии условий, при которых реализация положений ст.ст. 106, 115 и 117 УПК РФ обладает существенными особенностями.

Необходимость соответствия законодательства актуальным потребностям и вызовам времени, политико-правовым условиям функционирования государства, автором справедливо определена как качественная платформа для научного поиска, обосновывающая актуальность темы исследования, а также как аспект, подчеркивающий его теоретическое и прикладное значение.

Степени научной разработанности темы диссертации. На разных этапах развития уголовно-процессуальной науки исследованию мер процессуального принуждения и мер имущественного характера, как составного элемента системы мер процессуального принуждения, обеспечивающей достижение назначения уголовного судопроизводства, научное сообщество уделяло достаточно большое внимание. В проводившихся исследованиях теоретические и прикладные проблемы мер имущественного характера рассматривались либо в контексте всей системы мер процессуального принуждения, либо в разрезе отдельно взятой меры принуждения. Комплексно вопросы теории и практики применения мер уголовно-процессуального принуждения имущественного характера, куда входит исполнение залога, наложение ареста на имущество в науке не рассматривались.

Говоря о научной новизне диссертации стоит отметить, что она проявляется в восприятии соискателем основополагающий подходов и концепций государственного, уголовно-процессуального принуждения и относительно новой концепции уголовно-процессуального принуждения имущественного характера, а также в дальнейшей комплексной разработке данного направления исследования. Нормативную модернизацию соотношения частных и публичных интересов участников уголовного судопроизводства следует определять в качестве относительно самостоятельного направления государственной деятельности, ориентированной на разработку механизмов реализации конституционных гарантий. Предложения по совершенствованию законодательства, сформулированные А.П. Лыгой и основанные на положениях УПК РФ, вступивших в силу в 2022-2023 гг., представляются обоснованными и подчеркивают новизну полученных результатов.

Теоретическая и практическая значимость. *Теоретическая значимость* выводов и предложений, сформулированных в диссертации, состоит в том, что ее результаты вносят вклад в науку уголовного процесса в той части, в которой результаты проведенного исследования способствуют приращению научных знаний по теме

исследования, развивают межотраслевые и междисциплинарные связи уголовного процесса с другими юридическими и общественными науками. Это проявляется в сформулированных Лыгой А.П. предложениях, ориентированных на оптимизацию механизмов обеспечения прав и интересов участников уголовного судопроизводства при избрании, применении и исполнении мер процессуального принуждения имущественного характера. *Практическая значимость* результатов исследования состоит в возможности их использования в практической деятельности органов предварительного расследования и судов при разрешении вопросов межотраслевого правоприменения. Выводы и рекомендации, содержащиеся в диссертационном исследовании, могут найти применение в учебном процессе при преподавании дисциплин «Уголовный процесс», специальных курсов «Предварительное следствие в органах внутренних дел» и «Дознание в органах внутренних дел», других учебных дисциплин, изучающих вопросы уголовного судопроизводства и межотраслевые связи УПК РФ и иного отраслевого законодательства, что подтверждается внедрением результатов диссертации в педагогическую и практическую деятельность.

Достоверность и обоснованность результатов исследования определяется обширным перечнем использованных научных методов и обширной эмпирической базой, сформированной с учетом объекта и предмета исследования. Соискателем изучено 196 материалов уголовных дел и 215 решений судов, связанных с применением в 2017-2022 гг. залога, наложения ареста на имущество и денежного взыскания в обширном перечне субъектов Российской Федерации (Камчатский, Краснодарский, Красноярский, Пермский и Приморский край, Иркутская, Калужская, Кемеровская, Московская, Новосибирская, Омская, Оренбургская, Псковская, Томская области). Репрезентативность исследования обеспечена анкетированием 244 сотрудников органов исполнительной власти (следователей, дознавателей, руководителей следственных подразделений и подразделений дознания, сотрудников территориальных органов ФСИН России, осуществляющих деятельность на территории Алтайского, Красноярского, Пермского краев, Кемеровской, Новосибирской, Омской и Томской областей), использованием данных официальной государственной статистики, размещенных на интернет-порталах Судебного департамента при Верховном Суде РФ и Росстата.

Достижение целей и задач исследования. В ходе диссертационного исследования решен ряд задач, позволивших достичь поставленной цели. В частности: проанализированы ретроспективные аспекты развития в российском процессуальном законодательстве мер принуждения, обладающих имущественным характером (определены тенденции развития в уголовно-процессуальном законодательстве конкретных мер уголовно-процессуального принуждения); исследована правовая природа и сущность мер уголовно-процессуального принуждения имущественного характера (на основе анализа структуры нормативных предписаний ст.ст. 106, 115, 117 УПК РФ определены их системные и межотраслевые связи, а также рассмотрен вопрос об их месте в системе мер процессуального принуждения). Исследование соотношения частных и публичных интересов при применении залога, наложении ареста на имущество и денежного взыскания позволило обозначить наиболее значимые точки взаимодействия интересов, не в полной мере учтенные законодателем. Выявлено содержание деятельности по исполнению мер уголовно-процессуального принуждения имущественного характера как аспекта, в котором раскрывается фактическое действие мер принуждения. Исследование правоприменительной деятельности по исполнению решений об избрании залога, наложении ареста на имущество и денежного взыскания показало наиболее проблемные позиции правоприменительной деятельности, требующие дополнительного внимания со стороны законодателя. Сделаны научно обоснованные выводы и сформулированы предложения по гармонизации комплексного применения законодательства, регламентирующего залог, наложение ареста на имущество и денежное взыскание, а также по преодолению его пробельности и рассогласованности.

Содержание работы соответствует теме и охватывает весь круг вопросов, касающихся исследуемой тематики. Структура работы логична, последовательна, раскрывает все основные вопросы темы и замечаний не вызывает. Диссертация состоит из введения, двух глав, объединяющих в себе семь параграфов, заключения, списка литературы и приложений.

Научные выводы и рекомендации, сформулированные в диссертации, весьма аргументированы и обоснованы. Уголовный процесс рассматривается в качестве правового явления, развивающегося во взаимосвязи с политическими, идеологическими, экономическими и социальными аспектами развития российского

государства. Оно происходило поэтапно, под влиянием различных факторов, определявших его внутреннюю и внешнюю политику и взаимоотношения с обществом, отражавшихся в правовом регулировании. Основываясь на фактическом содержании источников российского законодательства и их интерпретации предшественниками, автор исследовал особенности и причины преобразования характера мер имущественного принуждения (от коллективного к личному) и пришел к обоснованному выводу о нелинейном развитии правового феномена имущественного принуждения в российском судебном процессе и его зависимости от указанных выше факторов (стр. 41).

Исследуя правовую природу и сущность мер имущественного принуждения во втором параграфе первой главы диссертации, А.П. Лыга делает ряд важных выводов, заслуживающих поддержки, о том, что все меры процессуального принуждения являются мерами морально-психологического, личного или имущественного воздействия на субъектов принуждения, а их преимущественная направленность определяется содержанием нормативных предписаний. Обоснована позиция автора об отнесении в рамках исследования к мерам имущественного характера залога, наложения ареста на имущество и денежного взыскания (стр. 44-45). Вызывает интерес позиция, раскрывающая содержание и характер связей положений ст.ст. 106, 115 и 117 УПК РФ. Основываясь на интегративном характере указанных предписаний, автор исследовал особенности их структуры и совершенно обосновано пришел к выводу о наличии у данных норм всех (трех) структурных элементов нормы права (стр. 49, 54, 56), позволяющих определить место мер принуждения имущественного характера в системе мер процессуального принуждения.

В третьем параграфе первой главы диссертации рассматривается соотношение частных публичных правовых интересов при применении мер процессуального принуждения имущественного характера. Поддерживая взгляды ученых, стоявших у истоков отечественной уголовно-процессуальной науки, А.П. Лыга справедливо отмечает недопустимость всецелой зависимости процессуальной формы от волеизъявления частных лиц (стр. 64). В вопросах соотношения частных и публичных интересов, на основе конституционно-правового значения распределения приоритетов правовой охраны, сделан совершенно обоснованный вывод о равноценном характере обоих видов интересов (стр. 79). Поддерживая взгляды

ученых-теоретиков, вопросы конкуренции автор предлагает разрешать посредством выбора из них наиболее приоритетных, а степень развитости уголовно-процессуальных механизмов правовой обеспеченности – с помощью определения пропорциональности развития диспозитивного и императивного методов правового регулирования (стр. 66-67). Небезоснователен вывод о том, что частные интересы участников уголовного судопроизводства также обеспечиваются публичными механизмами применения мер принуждения, основу которых составляют публичные средства (стр. 70-71, 73). Выявленные в ходе исследования аспекты позволили сформулировать обоснованные предложения по модернизации правового регулирования, развивающие публичные механизмы избрания и применения мер имущественного принуждения в направлении повышения обеспеченности частных имущественных интересов участников уголовного судопроизводства, позволяющие оптимизировать воздействие применяемых ограничений на имущественные интересы личности (стр. 79–82).

Во второй главе исследования, автор рассматривает порядок исполнения мер имущественного принуждения. Заслуживает позитивной оценки работа соискателя по исследованию понятийного аппарата, использованного законодателем при формулировании положений УПК РФ и его сопоставление с теоретическими подходами к деятельности по реализации права. Выявленные несостыковки позволяют понять причины расхождения отдельных подходов при разграничении деятельности по избранию, применению и исполнению решений о мерах процессуального принуждения (стр. 87, 89). С опорой на установленные фактические данные и сделанные на их основе выводы в параграфе определены признаки деятельности по исполнению мер процессуального принуждения имущественного характера, обоснованы подходы к порядку определения состава ее участников (стр. 98). Анализ предлагаемого автором определения «исполнение мер уголовно-процессуального принуждения имущественного характера» позволяет отметить, что в нем учтены необходимые особенности данного этапа деятельности о мерах принуждения (Положение, выносимое на защиту № 4). Отдельно следует отметить стремление А.П. Лыги не обособить ее от деятельности по применению мер принуждения, а показать, что ее пределы значительно шире и связаны с необходимостью привести имущественные права, претерпевшие вмешательство со стороны государства,

в исходное состояние или реализовать комплекс нормативно-определенных механизмов, прекращающих право собственности (стр. 100).

Во втором параграфе второй главы диссертант исследовал особенности исполнения залога. Поддерживаем подход соискателя, вышедшего за пределы исследования и рассмотревшего, наряду с исполнением решения об избрании меры пресечения, предшествующие этапы процессуальной деятельности (подготовительный и, собственно, этап избрания меры пресечения в виде залога). Подход соискателя оправдан тем, что в избрании залога и начале деятельности по исполнению решения суда ведущая роль отводится залогодателю. Он подчеркивает чрезмерную зависимость механизма избрания и применения данной меры принуждения от волеизъявления частного лица (стр. 103). Автор совершенно справедливо предлагает развивать роль органа расследования в разрешении вопроса о возможности избрания меры пресечения в виде залога, одновременно не лишая сторону защиты права на обращение в суд с ходатайством о его избрании, как при рассмотрении вопроса об избрании иной меры пресечения, так и в порядке обжалования решения о ее избрании или при продлении. Данную позицию автор последовательно обосновывает в части параграфа, посвященной исследованию этапа внесения (принятия) предмета залога (стр. 104–110). Межотраслевой характер правового регулирования, интергративный порядок применения залога (вместе с запретом определенных действий) справедливо определены А.П. Лыгой в качестве аспектов, формирующих формальную неопределенность порядка осуществления контроля за выполнением условий меры пресечения и наличие особенностей выполнения решения суда о залоге, не учитываемых на уровне ведомственных актов (стр. 117-118).

Интересно, что в данном и последующих параграфах диссертации дополнительно аргументируется вывод, сформулированный в третьем параграфе первой главы – о соотношении частных и публичных интересов при избрании и применении залога. Несмотря на очевидный приоритет частных начал в механизме избрания залога и начале применения меры пресечения, автор обращает внимание на недостаточную развитость обеспечивающего их механизма на этапе исполнения решения о мере пресечения. Выражено стремление автора предложить механизм, с одной стороны, ориентированный снизить зависимость порядка избрания залога от частного волеизъявления, а с другой – развить свободу реализации частных имущественных прав за счет преобразования публичного порядка, основанного на «контроле» уполномоченных властных субъектов

за распоряжением предметом залога. Аргументируя потребность развития правовой регламентации процессуального статуса залогодателя, Алексей Петрович предложил прием юридической техники в виде «примечания», совершенно не свойственный для уголовно-процессуального закона. Его обоснованность межотраслевым характером правоотношений, возникающих в связи с залогом, нормативным смешением содержания статуса залогодателя и функций, выполняемых участниками судопроизводства, которые могут выступать в качестве такового, позволяет прийти к выводу, что предложенный соискателем подход является оправданным (стр. 127-128).

Третий параграф второй главы посвящен особенностям наложения ареста на имущество. Соискатель обоснованно обратил внимание на отличие механизма данной меры принуждения от залога, состоящего в зависимости пределов деятельности по исполнению ареста имущества от результатов деятельности по установлению такового до рассмотрения судом вопроса о мере принуждения (стр. 129). Интересна позиция автора о комплексном характере правового регулирования деятельности по установлению имущества, на которое может налагаться арест. Обосновывается, что перечень ее участников, а также перечень обеспечивающих ее средств, в зависимости от стадии производства по уголовному делу, выходит за пределы УПК РФ (стр. 130, 138). Автор на высоком научном уровне обобщил теоретические разработки и практику наложения ареста на отдельные виды имущества и имущества отдельных лиц в зависимости от обстоятельств причинения вреда, их правового положения и соответствия складывающихся обстоятельств условиям, предусмотренным ч. 1 и ч. 3 ст. 115 УПК РФ (стр.132–136). Результаты проведенного исследования в данной части могут способствовать дальнейшему развитию научной мысли об адаптации уголовно-процессуального законодательства к развивающимся отношениям в сфере собственности (к новым видам имущества, в настоящее время не рассматриваемым в качестве предмета имущественных ограничений).

Детально аргументирован вывод о недостаточности только запретов, предусмотренных ч. 2 ст. 115 УПК РФ для обеспечения сохранности имущества, подвергнутого аресту, и о несоответствии требованиям закона отдельных способов хранения имущества, выработанных практикой (стр. 145). Обоснована позиция соискателя о потребности урегулирования порядка хранения имущества, на которое наложен арест, «по аналогии» с порядком хранения имущества, признанного

вещественным доказательством (стр. 146). Правильность последнего подчеркивается фактом вступления 12 октября 2023 г. «нового» порядка хранения имущества, на которое наложен арест или признанного вещественными доказательствами по уголовным делам. Автором обоснована потребность в повышении эффективности наложения ареста на имущество и необходимость модернизации правового регулирования данной меры принуждения, которые в концентрированном виде сформулированы в выводах (стр. 151-152).

В четвертом параграфе второй главы рассмотрены особенности исполнения денежного взыскания. Здесь автор предлагает провести серьезные преобразования правового регулирования денежного взыскания (ст.ст. 117-118 УПК РФ). Весьма привлекательна мысль автора о сходстве сущности процессуального нарушения с административным правонарушением (стр. 167). Идея, лежащая в основе предлагаемых изменений, состоит в повышении эффективности и частоты применения данной меры принуждения (стр. 165) за счет: стимулирования у участника уголовного процесса последующего правомерного поведения (стр. 168); упрощения механизма наложения денежного взыскания путем отнесения решения о применении меры принуждения на стадии предварительного расследования к компетенции следователя, дознавателя; увеличения размера денежного взыскания (стр. 169); нормативной регламентации в отдельной норме (ст. 118.1 УПК РФ) порядка исполнения решения о наложении денежного взыскания.

По ключевым вопросам диссертационного исследования мы разделяем позицию А.П. Лыги. Вместе с тем есть ряд положений теоретико-правового и прикладного характера, требующих дополнительной аргументации и обсуждения в ходе публичной защиты.

1. В положении №1, выносимом на защиту, указывается, что «эволюция источников российского права, содержащих процессуальные нормы, позволяет выделить периоды развития мер процессуального принуждения имущественного характера в российском законодательстве: 1) Русской правды (1030–1497 гг.); 2) Судебников 1497, 1550 гг. и Соборного уложения 1649 г. (1497–1715 гг.); 3) Краткого изображения процессов и судебных тяжб 1715 г. и Свода законов Российской империи 1857 г. (1715–1864 гг.); 4) Устава уголовного судопроизводства

1864 года; 5) УПК РСФСР 1922, 1923 и 1960 гг. (1922–2001 г.); 6) УПК РФ». В связи с этим у оппонента возникают вопросы: Какой критерий взят за основу периодизации развития рассматриваемых мер? Почему перечисленные в пп. 1–3 позиции явились объектами исследования? Позволяет ли их содержание утверждать о «нелинейности изменения законодательства о мерах процессуального принуждения, обладающих имущественным характером»?

2. К сожалению, в содержании диссертации несколько второстепенно представлено отношение А.П. Лыги к возможностям информационно-цифровой сферы при применении мер уголовно-процессуального принуждения имущественного характера (стр. 107 и 177). Общеизвестны изменения о месте цифровых финансовых активов и других представителях информационных технологий. Данный аспект представляется весьма интересным дискуссионным вопросом, обсуждение которого в ходе публичной защиты было бы весьма уместным.

3. Интересно узнать позицию автора о соотношении частных правовых и публичных интересов при применении наложения ареста на имущество, которые затрагивают обеспечение деятельности следователя или дознавателя и закреплены в ст. 104² и ст. 104³ УК РФ, в части, касающейся развитости практики наложения, в ходе предварительного расследования, ареста на имущество для обеспечения приговора в части конфискации денежных средств или иного имущества взамен предмета, подлежащего конфискации.

Высказанные замечания в основном касаются дискуссионных вопросов теории уголовного процесса и не влияют на общий вывод и положительную оценку диссертации. Представленная работа является завершенным и цельным монографическим исследованием, написанным автором самостоятельно. Диссертация обладает внутренним единством, содержит новые научные результаты и положения, выдвигаемые для публичной защиты и свидетельствует о личном вкладе диссертанта в науку уголовного процесса.

Автореферат соответствует содержанию диссертации.

Вышеизложенное позволяет прийти к следующим **выводам**:

Диссертация Лыги Алексея Петровича «Меры уголовно-процессуального принуждения имущественного характера», представленная на соискание ученой

степени кандидата юридических наук по научной специальности 5.1.4. «Уголовно-правовые науки», является научно-квалификационной работой, в которой на основании выполненных автором исследований разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как решение научной задачи, имеющей значение для развития уголовно-процессуальной науки.

Диссертация полностью соответствует требованиям пунктов 9–11, 13–14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842, предъявляемым к кандидатским диссертациям, а ее автор Лыга Алексей Петрович заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Официальный оппонент:

Доцент
кафедры уголовного процесса и криминалистики
федерального казенного образовательного учреждения
высшего образования «Пермский институт
Федеральной службы исполнения наказаний»,
кандидат юридических наук, доцент
«29» ноября 2023 г.

Лидия Михайловна Фетищева

Заместитель начальника
ФКОУ ВО «Пермский институт ФСИН России»
по кадрам
полковник внутренней службы

Алексей Юрьевич Гагарин

Федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования
«Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний»
Адрес: 614012, Приволжский федеральный округ, Пермский край, г. Пермь,
ул. Карпинского, д. 125
Телефон: +7 (342) 228-65-04
Адрес электронной почты: pifsin@57.fsin.gov.ru
Официальный сайт организации: <https://www.pi.fsin.gov.ru>